

Категория смысла

Category of Sense / Sinnkategorie

УДК 327

M. Castillo

Кастильо М.

New Wars and New Forms of Violence: Cultural and Societal Stakes of the Idea of Peace

Новые войны и новые формы насилия: культурные и социальные составляющие идеи мира

Prof. Dr. Monique Castillo, University of Paris-East, Créteil, France

Моник Кастильо, доктор философии, профессор, Университет Париж-Восточный, Кретьей, Франция

E-mail: moniquecastillo@laposte.net

Nowadays we see in various ways that we have arrived at the end of this history of a 'simple' collaboration between sense and power. The questions of war and of citizenship have become complicated. This article presents socio-philosophical view on modern types of wars generated by this complication, on 'tools' of warfighting, as well as on possible ways to achieve peace.

В статье представлен авторский взгляд на современные социально-философские особенности «взаимодействия» между властью и смыслами насилия, ведущие к усложнению представлений о войне и мире, на порождаемый этим новый тип войн, инструменты их ведения и возможные способы достижения мира.

Keywords: power, war, peace, war of senses, violence, symbolic parameters of violence, ideology, identity, empire, law.

Ключевые слова: власть, война, мир, война смыслов, насилие, символические параметры насилия, идеология, идентичность, империя, закон.

Introduction: sense and power

Введение: смысл и власть

For Plato, the place of the soldier is written in the eternal order of things: the heart (the courage), the power to fight in order to preserve the just order of the world. Power and sense are connected. One has to act "so that whatever is just to be powerful" [*Pascal 1988, fragment 298*].

Для Платона место солдата начертано в вечном порядке вещей: сердце (мужество), властная сила сражаться, чтобы сохранить справедливый порядок мира. Власть и смысл связаны между собой. Нужно действовать «так, чтобы сделать все возможное для достижения власти» [*Pascal 1988, fragment 298*].

Kant prophesies in 1784 the establishment of a Society of Nations that will put an end to the wars of conquering and prestige. The soldier-citizen is no longer animated by honor but by the desire for peace. One has to act "so that whatever is just to be powerful".

В 1784 г. Кант предсказал создание сообщества наций, которое положит конец войнам, направленным на покорение и завоевание престижа. Солдат-гражданин будет стремиться уже не к чести, а к миру.

Hegel perceives, at the same time as Clausewitz, the novelty the French revolution introduces in the world: wars become national and popular and thus moral. Soldier's ethics is the nationalism which allows his country to play a role in world history. Modern state (as it was achieved in Europe) needs to impose its power as the engine that gives sense to the rest of the world.

Гегель, в то же время что и Клаузевиц, осознает новизну, принесенную в мир французской революцией: войны стали национальными и популярными и, таким образом, моральными. Этикой солдата стал национализм, который позволял его стране играть определенную роль в мировой истории. Современному государству (как это происходит в Европе) требуется распространить свою власть как двигатель, который придает смысл остальному миру.

Nowadays we see in various ways that we have arrived at the end of this history of a 'simple' collaboration between sense and power. The question of war and the question of citizenship have become strangely complicated.

Сегодня налицо приметы того, что мы подошли к концу этапа истории «простого» коллаборационизма между смыслом и властью. Вопросы войны и гражданственности оказались странно сложными.

Для рядового гражданина непросто понять, чем занимают-

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

It is not simple for the ordinary citizen to understand what the military one does, especially since they do not make war anymore that is they do not make national wars in the common sense. It is difficult to imagine the present-day complexity of the job, when threatened populations are civilians and not soldiers, when the enemies are often difficult to identify and battles are not fought against states but against mobile and covert networks. It is difficult to understand that the biggest enemy is unpredictability. It is difficult to understand especially the new importance of the ethical component of the job, which gives the operations of interposition the purpose *to create legitimacy*, because this is the necessary condition for a democratic citizenship to be able to make it recognizable in a globalized world.

If the man-at-arms must subordinate all his actions to the political, diplomatic and ethical imperatives of legitimacy, the citizen has difficulties just accepting the idea that violence can create legitimacy. Thus, he denies the man-at-arms, without knowing it, the *symbolic legitimacy* which the latter needs most, since the validity of an action is given from now on by the symbolic force received by this action in the public arena.

Men-at-arms and civilians notice almost the same thing: we have the feeling of being at the same time at the end of a culture and in the gestation of another. A culture comes to its end and another begins: *the whole problem consists in the fact that we don't know if the abandonment of one culture will allow the other one to succeed*. And here lies a factor of incertitude, of insecurity and of crisis (on all levels: on the level of the modernization of the state, of the national educational reform or on the level of justice).

Let us clarify the meaning of the words:

'Sense': the reasons to fight, to give birth to children, to progress and to assign goals to oneself.

'Power': it results from the legitimacy given to the use of force. Power is not simply the force, but the force legitimized by the sense.

I. On the alleged Tripartition of the world

Toffler's classification: it gives meaning to the American idea of Revolution in military affairs. Societies of knowledge will make "counter-wars" and this is part of their legitimization (war on terrorism, for example).

After the wars of mass destruction, specific to the industrial age of technology that ends in the 20th century, the 'war on knowledge', the 'cyberwar' or the war of the information should follow the war that elaborates the so-called 'intelligent' weapons and whose goal is less to destroy humans than to destroy the knowledge that allows them to make war. Three civilizations, or three 'Waves' as they call it, divide the world, each one representing in its own way three economic revolutions. The first one is agrarian, the second one is industrial and the third one, which is still at its beginnings, is that of the exploitation of

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

ся военные, тем более что они больше не воюют, то есть не ведут национальных войн в общепринятом смысле. Трудно представить себе сложность их современной работы, когда под угрозой находятся не солдаты, а гражданские лица, когда зачастую трудно определить врага, и сражения ведутся не против государств, а против мобильных и скрытых сетей. Трудно осмыслить то, что самым большим врагом является непредсказуемость. Особенно трудно понять новую важность этической составляющей военной деятельности, которая позволяет *обеспечить легитимность* вторжений, так как легитимность является необходимым условием демократической гражданственности, условием узнаваемости в глобализованном мире.

Если люди оружия должны подчинять все свои действия политическим, дипломатическим и этическим императивам легитимности, то гражданскому человеку трудно принять идею о том, что обеспечить легитимность может насилие. Таким образом, он отрицает людей оружия, даже не подозревая об этом, отрицает *символическую легитимность*, в которой последние нуждаются больше всего с тех пор, как законность действия задается символической силой, полученной этим действием на общественной арене.

Люди оружия и гражданские замечают почти одно и то же: мы ощущаем, что одновременно живем в эпоху окончания одной культуры и зарождения новой. Одна культура заканчивается и начинается другая; *проблема состоит в том, что мы не знаем, позволит ли отказ от одной культуры добиться успеха в другой*. И здесь кроется фактор неуверенности, незащищенности и кризиса (на всех уровнях: на уровне модернизации государства, национальной образовательной реформы или на уровне правосудия).

Поясним значение слов:

«Смысл» — это причины бороться, рожать детей, развиваться и ставить перед собой цели.

«Власть» вытекает из законности, оправдывающей применение силы. Власть не просто сила, но сила, узаконенная смыслом.

I. О предполагаемой тройственности мира

Классификация Тоффлера придает смысл американской идее революции в военном деле. Общества знаний будут вести «контр-войны», и это часть их легитимизации (война с терроризмом, например).

После войн массового уничтожения, характерных для индустриальной эпохи технологий, которая заканчивается в XX веке, должны последовать «война знаний», «кибервойна», или война информации, — войны, которые разрабатывают так называемое «интеллектуальное» оружие и цель которых не столько уничтожение человека, сколько уничтожение знаний, которые позволяют вести войну. Три цивилизации, или три «волны», как их называют, делят мир и по-своему представляют три экономические революции. Первая — аграрная, вторая — промышленная и третья, находящаяся в самом начале, — использующая знания. Первый тип цивилизации, или «первая волна», основан на природных ресурсах, второй основан на массовом промышленном производстве, третий — на «интеллектуальной силе». Используя политическую терминологию, —

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

knowledge. The first type of civilization, or 'the first wave', is based on natural resources, the second one is based on mass industrial production and the third one is based on 'cerebral force'. In political terms: pre-nations, nations and post-nations coexist. The third wave or the society of information needs for its economic prosperity mainly 'knowledge convertible in richness'.

"What it needs is to have access to the world's data banks and telecommunication networks and to control them" [Toffler A., Toffler H. 1994, p. 350].

In the field of communications, knowledge is power: the power to influence and to control.

Francart in his book *Mastering violence* gives Pierre Lévy's classification [Francart 2002, p. 308], as follows.

Oral societies: representations are in relation to life and they are perpetuated by the emotion they are charged with. Time is conceived as cyclical and a sentence must be reproduced and repeated aloud in order to succeed.

Written societies: the thought pattern is logical and linear; intelligence is situated at the level of analysis, of reasoning and of synthesis. Science is the dominant way of cognition and knowledge, beyond acquired knowledge, becomes subject of analysis and examination. Time is conceived in a linear manner, as progressive history. We think and act in this type of societies.

Computerized society is gaining ground, whether we like it or not. It is based on a digital culture which includes all means and all fields. Intelligence becomes action by anticipation thanks to a knowledge based on modeling and simulation:

"We must think the mutations of sound and image in connection to those of the hypertext and of the artificial intelligence. Connections and reinterpretations will take place along unstable contact zones, through the enchainment and the throwing together of new devices that will be created by a multiplicity of actors. The new hypertextual or multimedia writing will certainly resemble more to a show editing than to the classical writing, where the author was concerned only with the coherence of a linear and static text (...). With the creation of the digital network and the extension of its usages, television, cinema, written media, informatics and telecommunications will see their boundaries almost completely dissolving in favor of the circulation, combination and metamorphosis of the interfaces on the same cosmopolitic territory" [Francart 2002, p. 308].

Three major ideas: information is action; anticipation creates sense; our era is that of the war of the sense:

"...the meaning that each protagonist gives to "his" war creates a real *war of meaning*" [Francart 2002, p. 330].

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

это донациональный, национальный и постнациональный этапы. Третья волна, или информационное общество, нуждается для экономического процветания главным образом в «знаниях, конвертируемых в богатство».

«Все, что необходимо, — это доступ к мировым банковским данным и телекоммуникационным сетям и управление ими» [Toffler A., Toffler H. 1994, p. 350].

В области коммуникаций знание есть власть — власть влияния и контроля.

В книге Франкара «Управляя насилием» дается *общая классификация Пьера Леви* [Francart 2002, p. 308], которая приводится ниже.

Устные общества: представления формируются в соответствии с жизнью и поддерживаются эмоциями, которыми они питаются. Время мыслится как цикличное и каждая фраза должна произноситься и повторяться вслух для того, чтобы закрепиться в памяти.

Письменные общества: мыслительная модель логична и линейна, развитие интеллекта находится на уровне анализа, рассуждения и синтеза. Наука является основным способом осмысления и познания, выходя за пределы приобретенных знаний, она становится предметом анализа и проверки. Время мыслится в линейной форме, также как и развитие истории. В обществе этого типа мы думаем и действуем.

Компьютерное общество завоевывает позиции, хотим мы этого или нет. Оно основано на цифровой культуре, которая включает в себя все средства и сферы. Интеллект становится действием через предвосхищение благодаря знаниям, основанным на моделировании и имитации:

«Мы должны представлять мутации звука и изображения в связи с гипертекстом и искусственным интеллектом. Связи и реинтерпретации будут проходить вдоль неустойчивых контактных зон, посредством конкатенации и совместного выброса новых устройств, что будет создано большим количеством акторов. Новая гипертекстовая или мультимедийная литература будет, конечно, больше похожа на редактирование шоу, чем на классическое письменное творчество, где автор озабочен только согласованием линейного и статичного текста (...). С созданием цифровой сети и расширением ее использования телевидение, кино, печатные средства массовой информации, информатика и телекоммуникации увидят свои границы почти полностью исчезнувшими в пользу циркуляции, комбинации и метаморфозы интерфейсов на той же космополитической территории» [Francart 2002, p. 308].

Обратим внимание на три основные идеи: информация — это действие; предвосхищение создает смысл; наша эпоха — это эпоха войны смысла:

«...значение, которое каждый герой привносит в "свою" войну, создает настоящую *войну смыслов*» [Francart 2002, p. 330].

Эта война смыслов дает несколько направлений рефлексии: — символическое (культурное) измерение новых форм насилия,

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

This war of meaning offers several directions for reflection:

- the symbolic (cultural) dimension of the new forms of violence,
- the societal stakes in peace,
- the identity-related challenge in European context.

**II. New wars
and the symbolic dimension of violence**

Fear of violence seems to become a prevailing political driving force. There is a lot of talk nowadays about the transformations that hallmark the practices of violence, with regard to the 'new wars' and especially to urban violence. But at the same time, we can see that these changes in violence take place in a world that claims to be more and more peaceful and pacifying, in a world where security tends to become the supreme societal value, the dominant public good of all communities. A strange cohabitation is settling in: on the one hand, a self-regenerated frenzy of violence feeds and perpetuates fear as a factor of destabilization; on the other hand, the obsession with security leads to types of politics intended only to fight against the fear of violence.

a) violence and ideology

We often talk about 'The end of war' in order to account for the mutations that affect the use of violence, the transformations of violence. We then talk about conflicts of low intensity: increase in the number of indirect confrontations (taking of hostages, guerrillas, attacks...) which target the sovereignty of a state only indirectly, not by a frontal attack and not with the same weapons as its, but by targeting the civilians in order to spread confusion and fear, to discredit the governments (and the armies), to cause the demoralization of the populations and to ruin their confidence in the protective force of the state. *The goal is not as much to impose directly its own force but to destroy the force of the enemy by destabilizing its defense system and by imposing the terrifying perspective of an inexhaustible reservoir of violence for an endless war.*

But it has been said also that these new forms of violence are 'new wars' that pit against each other organized factions (extremist groups, sects, rebel factions or dealers...) which organize themselves in transnational networks and which inspire the fear of an internationalization of conflicts. They have three main characteristics:

- They are 'private' wars,
- They are asymmetrical wars,
- They are inexpensive wars.

These new wars remind of the violence outbursts characteristic of the medieval era or of the Thirty Years War, when civilians (being the main targets) enrolled in order to increase their chances of survival.

They are asymmetrical wars, where the weak aim to reverse the asymmetry at their advantage, by using weapons

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

- социальные ставки в достижении мира,
- проблема идентичности в европейском контексте.

**II. Новые войны
и символические параметры насилия**

Страх перед насилием, кажется, становится преобладающей движущей силой в политике. Сегодня много говорят об изменениях в практике насилия в связи с «новыми войнами» и, особенно, насилием в городах. И в то же время мы видим, что подобные изменения в практике насилия происходят в мире, который провозглашает себя все более и более мирным и пацифистским, в мире, где безопасность имеет тенденцию к превращению в главенствующую социальную ценность, доминирующее общественное благо для всех сообществ. Устанавливается странное сосуществование: с одной стороны, саморегенерированное безумие насилия питает и поддерживает чувство страха как фактор дестабилизации, с другой, — одержимость идеей безопасности приводит к появлению политиков, видящих свою задачу в том, чтобы бороться только против страха насилия.

а) насилие и идеология

Мы часто говорим о «конце войны» для того, чтобы подсчитать мутации, которые влияют на применение насилия, на преобразование насилия. Потом мы говорим о конфликтах низкой интенсивности: об увеличении числа непрямых confrontations (захвате заложников, боевиках, нападениях...), непрямо нацеленных на суверенитет государства, не являющихся прямой атакой на него и не пользующихся его оружием, но имеющих целью воздействие на гражданских лиц для создания обстановки растерянности и страха, чтобы дискредитировать правительства (и армии), деморализовать население и разрушить его уверенность в защитных силах государства. *Цель этого — не столько непосредственно навязать свою силу, сколько уничтожить силы противника, дестабилизируя его систему обороны и рисуя страшную перспективу непрекращающегося насилия в бесконечной войне.*

Уже говорилось о том, что эти новые формы насилия — «новые войны», в которых натравливаются друг на друга организованные группировки (экстремистские группировки, секты, мятежники или дилеры...), — объединяются в транснациональные сети, вызывающие страх интернационализации конфликтов. У этих войн есть три основные характеристики:

- это — «частные» войны,
- это — асимметричные войны,
- это — недорогие войны.

Эти новые войны напоминают о вспышках насилия, характерных для эпохи Средневековья или Тридцатилетней войны, когда гражданское население (будучи основной целью) вынуждено участвовать в них, чтобы увеличить свои шансы на выживание.

Это асимметричные войны, где ставятся небольшие цели изменения соотношения сил в свою пользу с помощью оружия, которое могло бы деморализовать и дезориентировать врага. Здесь виктимизация — основная стратегия, которая играет на эмоциях и направлена на выставление сильнейшего виновной стороной. В асимметричных войнах слабая сторона заинтере-

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

that could demoralize and disorientate the enemy. Victimism is a strategy that plays on the emotional registry and that aims to de-legitimize the strongest as the guilty one. In asymmetrical wars, the weak have every interest in playing on the registry of ideology. Ideology has two characteristic forces:

— The immediate and blind support of compassion: Robespierre used it. The poor are identified with the pure and the just (perfect), and this allows transforming sufferance violence in tenfold multiplied as the unlimited right to refer to violence (for Arendt, pity, regarded as a competence of the virtue, "proved to possess a capacity for cruelty higher than cruelty itself" [Arendt 1990, p. 89]).

— Ideology also has the power to make it unclassifiable. It renders its cause absolute and unquestionable, it is always right. In fact, Georges Sorel describes it in his book *Reflections on violence: the revolutionary action cannot be wrong because it is an attempt: even its failures are part of its learning*.

Today, ideology takes advantage of the additional resources available through the media: this leads to exaggeration. Hence are the searches for an extreme atrocity in violence in order to impose a mediatic image of the self and to destroy the image of the other. It is necessary to have a lot of dead people and live tortures as if it were necessary to have a critical mass of credibility; it is necessary to have unjustified and unpredictable sufferance. The hyper-terrorism is not some violence from a different age; it incorporates firstly and in a redoubtable manner a remarkable cynical mastering of the art of acting on images and thus on mentalities.

Let us bring forward the question of knowing what exactly brings fear in these new practices of violence. What seems to feed especially the feeling of insecurity is the fact that *violence becomes once again a means of private subsistence available to any adventurer*. Unlike the image of the soldier, of the knight or that of the duelist, the image of the crime technician targets primarily civilian populations because they are defenseless. One talks about the fact that violence has settled down into a routine in order to signify the fact that it nourishes a will to power that intends to compete with the 'normal' social success:

"...the way the war has settled down into a routine suggests more and more a style of life that continually reinforces the supremacy of the warrior over the political actor... These types of 'warrior', however varied, are inspired by a common war-oriented imaginaries, where which violence has the virtues of an instrument for promotion" [Martinez 1998, pp. 371–377].

b) the symbolic dimension of urban violence

The *symbolic* dimension of violence seems to be able to make this process endless rather than to stop it. Thus, constantly causing fear to an individual or to a group of individuals means a lot more than endangering them: it

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

сована в том, чтобы вести игру в области идеологии. Идеология имеет две существенные силы:

— она немедленно и слепо поддерживает страдания; эту силу идеологии использовал Робеспьер. Бедность отождествляется с чистотой и совершенством (идеальным), и этот прием позволяет превратить страдание в десятикратно умноженное насилие, в неограниченное право ссылаться на насилие (Арендт рассматривает жалость как виртуальную компетенцию, «обладающую большим потенциалом жестокости, чем сама жестокость» [Arendt 1990, p. 89]);

— идеология также обладает способностью делать себя неклассифицируемой. Она приводит свои резоны как абсолютные и несомненные, она всегда права. Жорж Сорель описывает это в своей книге «Размышления о насилии»: *революционное действие не может быть неправильным, потому что это — попытка: даже ее неудачи являются частью процесса обучения*.

Сегодня идеология использует дополнительные ресурсы средств массовой информации, что приводит к идеологическому преувеличению. Отсюда — поиски особой жестокости в насилии для того, чтобы навязать свой образ в качестве посредника и разрушить образ другого. Для того, чтобы создать критическую массу доверия, необходимо много мертвых людей и живых, подвергнутых пыткам, необходимо иметь несправедливое и непредсказуемое страдание. Гипертерроризм — это не какое-то насилие из другого века, он усвоил, прежде всего, опасную манеру потрясающе циничного владения искусством воздействия на восприятие и, следовательно, — на менталитет.

Давайте поставим на первый план вопрос о том, что именно вызывает страх в этих новых методах насилия. Как представляется, особенно сильно питает чувство незащищенности тот факт, что *насилие становится еще раз средством личного существования, доступным для любого искателя приключений*. В отличие от образа солдата, рыцаря или дуэлянта, создание образа преступника в первую очередь направлено на гражданское население, потому что оно беззащитно. Говорят, что насилие превратилось в рутину для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что оно поддерживает стремление к власти, которое имеет тенденцию конкурировать с «нормальным» социальным успехом:

«...тот факт, что война стала рутинной все больше и больше предлагает стиль жизни, который постоянно укрепляет верховенство воина над политическим актором ... Подобные типы «воинов», тем не менее, достаточно различные, навеяны общими, ориентированными на войну образами, в которых насилие является инструментом продвижения по социальной лестнице» [Martinez 1998, pp. 371–377].

б) символические параметры городского насилия

Символический характер насилия, как кажется, скорее способен сделать этот процесс бесконечным, чем остановить его. Таким образом, постоянно вызываемый страх, направленный на индивида или группу лиц, означает для них гораздо больше, чем опасность. Это означает дестабилизацию их образа жизни, мышления и чувств. Это означает вызов всей

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

means destabilizing their way of living, thinking and feeling, it means challenging an entire culture. It means exercising a global challenge over a collective reality. And maybe this is what becomes both incomprehensible and difficult to tolerate in the new practices of violence: an extreme physical materiality in the actions, allied with an extreme abstraction in the ends: how to destroy the intention that one lends to another? At this stage, the abstraction is not used to legitimate but to render endless the process of outburst of violence, as if the physical destruction of the other's difference was possible. There are schools in France where successful students are marginalized by a general contempt, as if there was a desire to physically destroy intelligence.

Let's go further in order to understand that suburban violence acts like a true 'war of the sense'. The consumerist individualism is generally incriminated in order to explain the suburban revolts. The wrong are maybe more socially profound. Because individualism is not made of just one piece and it has become once again inventive and diligent. It is no longer the sensual, vulgar and gorged individual who has become a model for the social dynamics: it is the successful individual, because he is capable of mobilizing himself. This is a characteristic of so-called 'post-industrial' societies. In these societies, the individual is a rare and in demand resource, because he is a resource capable of self-transformation. It is the individual who has become creator of sense because he dominates the domain of codes and symbols.

At the beginning and even in the middle of the 20th century, the need for sense could be expressed in work (the legitimacy of the father in the family), in war (the heroism of the son), in the contribution to world's stability (the woman and her courage to maintain the familial and social unity against wind and tide). Nowadays, sense is given by inventiveness, which has become the talent to combine influences (knowledge, ways, expectations)... Sense feeds on communication of the sense and on the unpredictable inventiveness of reactions. The individualism that we reproach so much to the current generations exercises itself also by a perseverant work and a need of recognition that is never satisfied.

Consequently, the legitimation of power is changing. For if the self-created and self-maintained personal success tends to impose itself from now on as the legitimation of the power to win, it allows to throw a different light on the frenzy of the ultra-violence or on the practice of harassment through violence. There is, certainly, a connection between violence and exclusion; all observers agree on this. But we lack reformed conceptual tools to conceptualize the exclusion and also to conceptualize success in the context of the new globalization. We are not dealing with conceptualized visions of reality but with feelings: the feelings of exclusion as well as the feeling of insecurity are emotional reactions; they are dangerous because they respond to simple impressions in a blind, unpredictable and unreasonable manner. The feeling of exclusion dif-

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

культуре. Это означает глобальный вызов коллективной реальности. А может быть это то, с чем становится и непонятно и трудно мириться в новой практике насилия: крайний физический материализм в действиях, соединенный с крайней абстракцией. На данном этапе абстракция используется не для легитимации, а лишь чтобы передать то влияние, которое имеет бесконечный процесс эскалации насилия, как будто возможно физическое уничтожение различий. Во Франции есть школы, где хорошо успевающие ученики находятся в социально уязвимом положении, подвергаясь презрению, как будто существует желание физически уничтожить интеллект.

Пойдем дальше для того, чтобы понять, что насилие на городских окраинах действует как настоящая «война смыслов». Вспышки беспорядков на городских окраинах, как правило, объясняются потребительским индивидуализмом, хотя они могут иметь и более глубокие социальные корни, потому что индивидуализм неоднороден, и к тому же он становится все более изобретательным и тщательно разработанным. Мы видим уже не чувственного, вульгарного и пресыщенного индивида как модель социальной динамики, а преуспевающую личность, способную заставить себя действовать. Это характерно для так называемого «постиндустриального» общества. В обществах такого типа личность является редким и востребованным ресурсом, поскольку содержит в себе потенциал, делающий ее способной к саморазвитию. Это личность, которая становится творцом смысла, так как она доминирует в области кодов и символов.

В начале и даже в середине XX века потребность в смысле выражалась через трудовую деятельность (легитимность отца в семье), через участие в войне (героизм сына), через вклад в стабильность мира (женщина и ее мужество, направленное на сохранение семейного и социального единства вопреки всем трудностям). В настоящее время смысл придается изобретательностью, которая стала талантом объединять различные факторы (знания, методы, ожидания)... Смысл питается передачей смысла и непредсказуемой изобретательностью реакций. Индивидуализм, в котором мы так часто упрекали нынешние поколения, проявляется также в усердном труде и потребности в признании, которая никогда не удовлетворяется.

В результате изменяется легитимизация власти, ибо если самостоятельно достигнутый и самостоятельно развиваемый личный успех стремится навязать себя отныне как легитимизацию власти, чтобы победить, то это позволяет увидеть в новом свете безумие ультра-насилия или практику преследования с использованием насилия. Существует, конечно, связь между насилием и исключением, все наблюдатели сходятся во мнении по этому вопросу. Но нам не хватает реформированного концептуального инструментария, чтобы осмыслить исключение, а также создать концепцию успеха в контексте новой глобализации. Мы имеем дело не с концептуализированными представлениями о реальности, а с чувствами: чувство исключенности, также как и чувство незащищенности являются эмоциональными реакциями, они опасны, потому что реагируют на простые впечатления вслепую, непредсказуемым и необоснованным образом. Чувство исключенности отличается от чувства неравенства тем, что неравенство выражается в худшей позиции, чем у других, находящихся на той же шкале

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

fers from the feeling of inequality in the fact that inequality consists in occupying a place that is inferior to that of the others on the same value scale: wage-related inequality is explained in the common vocabulary of the merit, for example. On the other hand, the exclusion consists in not being able to share the same value scale (unemployment, for example, prevents me even to have an unequal salary, because I don't even share the competition for merit). While inequality, in democracy, can be surpassed, as Tocqueville showed very well, through the same imaginary of the equalization of conditions (I can easily imagine that I could earn more money if I want to: by getting a new degree or by working more, and that helps me to tolerate my condition), the exclusion does not even allow me to share the same collective imaginary: the fact is that I am simply not needed, I am not inferior, I am out of the game.

Therefore, why appeal to violence? If we postulate that the absence of future consists in the impossibility to participate to the new image of power, which is that of the symbolic action or of the influence by sense, we understand the rage brought about by such feeling of helplessness. We understand perhaps better that violence goes for abstractions, if the symbolic power is the one that is targeted, the power to act on the symbols in highly media-oriented societies, in other words, if it is a war of the sense. Attempting to destroy entities or substances like 'modernity', 'Occident', 'consumer society' etc. means to transform violence in a parallel power, a parallel economy, a different zone of preserved 'chances', desperately efficient and tragic, it also means to destroy a symbolic and cultural power of action from which oneself is excluded.

c) the vicious circle of the delegitimization of power

The war of the sense has the genius of the vicious circle, because it proves the incapacity of politics by destroying politics. If the authority does not react, violence gains in impunity; if the authority fights back with the same weapons as violence does, it falls outside the law and loses any legitimacy. Habib Souaïdia, for example, has lived, in *La sale guerre* [Souaïdia 2001], the horrors of the civil war when the state fights back with the same weapons that terrorism uses.

Urban violence reveals in a painful way this vicious circle of the de-legitimization of power. When it serves only to express a feeling of injustice, violence aims at reestablishing law; it is a means to obtain a right and it stops with this conquest. But when it is established as a pure instrument of delegitimization, it starts from an injustice like from a pretext for destabilizing the power according to an endless process. This is the vicious circle that creates the incomprehensibility: the rebellious individual rejects the system whose values he does not want to share (the educational system, for example), but he does so *by prejudging that he would be*

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

ценностей: неравенство в заработной плате, например, объясняется различиями в общем перечне заслуг. С другой стороны, исключение состоит в том, чтобы быть не в состоянии разделять одну и ту же ценностную шкалу (безработица, например, не позволяет мне иметь даже неодинаковую зарплату, потому что я даже не участвую в соревновании за получение работы). В то время как неравенство в демократии может быть преодолено, как очень хорошо показал Токвиль, через то же воображаемое создание равных условий (я легко могу себе представить, что я мог бы заработать больше денег, если бы я хотел: путем получения новой степени или работая больше, и это помогает мне терпеть мое состояние), исключение даже не позволяет мне делиться той же коллективной иллюзией: дело в том, что я просто не нужен, я не низший, я вне игры.

Таким образом, зачем апеллировать к насилию? Если мы допускаем, что отсутствие будущего состоит в невозможности участвовать в новом образе власти, который представляет собой символическое действие или воздействие смыслом, то мы понимаем, что гнев вызван этим чувством беспомощности. Мы понимаем, возможно, лучше, что насилие стремится к абстракциям, если целью является символическая власть, власть действовать, основываясь на символах в ориентированных на средства массовой информации обществах; другими словами, если это война смыслов. Попытка уничтожить такие сущности или субстанции как «модернити», «страны Запада», «общество потребления» и т.д., означает превращение насилия в параллельную власть, параллельную экономику, другую зону сохранившихся «шансов», крайне производительную и трагическую, она также означает уничтожение символической и культурной силы того действия, из которого сама исключается.

в) порочный круг делегитимизации власти

Война смысла содержит в себе гениальность порочного круга, потому что она доказывает несостоятельность политики через уничтожение политики. Если власть не реагирует, насилие возрастает из-за безнаказанности; если власть наносит ответный удар тем же оружием, что и насилие, то она выходит за рамки закона и теряет всякую легитимность. Хабиб Соуайдия (Habib Souaïdia), например, передал в «Грязной войне» [Souaïdia 2001] ужасы гражданской войны, когда государство наносит ответный удар тем же самым оружием, что использует терроризм.

Городское насилие — это болезненный способ, через который выявляется порочный круг делегитимизации власти. В том случае, когда насилие в городах служит лишь для того, чтобы выразить чувство несправедливости, оно направлено на восстановление закона; здесь оно является средством завоевания права и прекращается тогда, когда это завоевание достигнуто. Но когда насилие применяется исключительно как инструмент делегитимизации, то оно берет свое начало из несправедливости, как из предлога для дестабилизации власти в соответствии с бесконечным процессом. Это порочный круг, который создает непонимание: мятежная личность отвергает систему, ценности которой она не хочет разделять (ценности системы образования, например), но она поступает таким образом потому, что заранее предполагает, что *будет*

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

rejected by this system. Thus, young people anywhere take the choice of the ghettoization and they rise against injustice in one single movement. They take possession of a neighborhood by spreading terror in it, they expect prestigious gains from the violence (money and girls), but they allow themselves such behavior by judging themselves victims of a world that does not accept them, of a socialization (by schooling) that excludes them: they thus violently fulfill a sort of a self-fulfilling prophecy. They thus 'prove' the incompetence of the state or of the communes by producing it.

Partial conclusion: the mutations of the violence are disconcerting for a political analysis and disconcerting for a strategic analysis. They prevent the notion of enemy to be spotted.

Let us move to a second source of reflection: the fact that war soldiers also have to become peace soldiers. What pacifism must we put forward in order to legitimize their action?

III. Societal stakes of peace

The request for peace changes; *one does not simply poses the problem of knowing what makes peace possible (technically and militarily possible), but what makes peace acceptable and desirable*. The question on the possibility of peace is added to the question of its legitimacy. Peace is no longer simply the victory, peace must be a project; peace is not simply an outcome, it must also be a beginning, to the point of imagining today, in addition to the right of making war (*jus ad bellum*) and to the right that regulates the leading of war (*jus in bello*), a new right which would be called the right to restore the possibility of an organized life after the war (*jus post bellum*) (according to the expression of Michaël Walzer [Walzer 2006]). A strategic function of the creation of the peace-to be would be added to the management of the war itself.

In an article dedicated to the question of military effectiveness faced with terrorism, General Valentin, former commandant of the multinational security force in Kosovo, confirms the feeling of this transformation of the role of peace by asserting that

"...victories are no longer simply military, but they are evaluated from now on according to the peace they establish" and that the fight against terrorism must to be placed on the field where "influence and persuasion are more efficient than destruction" [Valentin 2006].

It is starting from this point that we can put pacifism into question, on the basis of the representations of peace that can pretend to have what General Valentin calls "a more efficient persuasive force of destruction". In other words: what conceptualizations of peace can be considered as reconstructive and can constitute a credible

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

отвергнута этой системой. Таким образом, все молодые люди выбирают геттоизацию (видят себя принадлежащими к гетто) и поднимаются против несправедливости в едином порыве. Они захватывают окрестности, распространяя вокруг страх, они ожидают получение больших доходов от насилия (деньги и девочки), но они позволяют себе такое поведение, представляя себя жертвами окружающего мира, который их отвергает, жертвами социализации (в школе), которая исключает их: так они, применяя насилие, реализуют своего рода самопредсказание. Таким образом молодые люди «доказывают» некомпетентность государства или сообществ, которые делают их таковыми.

Промежуточный вывод: мутации насилия вызывают трудности политического анализа и трудности анализа стратегического. Они мешают четкому выявлению представления о враге.

Давайте перейдем ко второму источнику рефлексии: к тому, что солдаты войны вынуждены также стать солдатами мира. Какой пацифизм мы должны поставить на первый план для того, чтобы узаконить их действия?

III Социальные вехи мира

Потребность в мирном существовании изменяется, *проблема состоит не просто в том, чтобы знать, что делает возможным достижение мирного состояния (технически и с военной точки зрения), но в том, что делает такое состояние приемлемым и желаемым*. Вопрос о возможности мира добавляется к вопросу о его легитимности. Мир уже не просто результат победы, мир должен быть проектом; мир это не просто итог, он также должен быть и началом, в соответствии с сегодняшними представлениями; в дополнение к праву на развязывание войны (*jus ad bellum*) и праву на ведение войны (*jus in bello*) возникает новое право, которое можно было бы назвать правом на восстановление возможности организованной жизни после войны (*jus post bellum*) (по выражению Майкла Уолцера [Walzer 2006]). К ведению самой войны могла бы быть добавлена такая стратегическая функция как установление мира в будущем.

В статье, посвященной вопросу эффективности военных акций, направленных против терроризма, генерал Валентин, бывший командующий многонациональными силами безопасности в Косово, подтверждает чувство этой трансформации роли мирного состояния, утверждая:

«...победы уже стали не просто военными победами, но они оцениваются теперь в соответствии с тем миром, который они устанавливают», и что борьба с терроризмом должна быть перенесена в сферу, где «влияние и убеждение более эффективны, чем разрушение» [Valentin 2006].

Начиная с этого момента мы можем поставить под сомнение пацифизм, основываясь на представлениях о мире, которые могут претендовать на обладание тем, что генерал Валентин называет «наиболее эффективной убедительной силой уничтожения». Иными словами: какие концепции мира можно рассматривать как реконструктивные и имеющие возможность представлять собой надежный итог «*post bellum*»? Для то-

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

'*post bellum*' denouement? In order to briefly lead this research, classical representations of peace can serve as a guiding principle: peace through the empire; peace through the law and peace through the balance.

a) peace through the empire

Theoretically, realizing peace through an empire represents a pretty radical solution because it confides to an absolute sovereign force (either the force of a state or the force of a state coalition) the care to render war impossible. For example, nuclear weapon has been the opportunity, in the middle of the 20th century and during the Cold War, to consider that the exclusivist domination of an empire could by itself avoid the apocalypse, the most eminent quality of an empire being the force to eliminate all its rivals.

The Triumph of a Roman Emperor by Gerard De Lairese. Late 17th c.

Триумф римского императора.
Художник Ж. Де Лересс. Конец XVII в.

Presentation

Nowadays, and since we are looking for an attractive peace for its reconstructive capacities, we are brought to replace the old militarist approach of the empire by a convivial image. Empire must be openly synonym with pacifism. We find this idea in what an English political scientist Robert Cooper calls a 'volunteer-based' imperialism [Cooper 1996, 2002]. It is no longer imperialism through constraint or through colonization, but imperialism through attraction. Such imperialism, which is also called 'postmodern', takes two forms.

1) "Voluntary imperialism of the global economy". It is the form of an adhesion to a vast civil society, a planetary extension of the model of the market presented as the scheme of an indefinitely extensible activism, principle of an open world, a model of personal liberty that can be imitated for everyone.

2) "The second form of imperialism can be called the imperialism of neighbors". It is about remedying the instability of a state by a military and police presence, and also by a medical and juridical presence, by creating a sort of voluntary protectorate. The expectation is the

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

го, чтобы кратко провести это исследование в качестве руководящего принципа могут служить классические представления о мирном существовании, такие как мир, достигаемый через империю; мир, достигаемый через закон и мир, достигаемый через равновесие.

а) мир, достигаемый через империю

Теоретически, осуществление мирного состояния через империю представляет собой довольно радикальное решение, поскольку оно абсолютно доверяет суверенной силе (либо силе государства, либо силе государственной коалиции) заботу о том, чтобы война не была развязана. Например, в середине XX века и во времена холодной войны ядерное оружие давало возможность считать, что исключительное господство империи поможет само по себе избежать апокалипсиса, так как самым выдающимся качеством империи является сила, способная ликвидировать всех своих соперников.

Постановка вопроса

В настоящее время, и с тех самых пор как мы стали искать привлекающую нас модель мирного существования, принимая за основу ее реконструктивные возможности, мы делаем все, чтобы сменить старый милитаристский имперский подход на дружественный образ. Империя открыто должна быть синонимом пацифизма. Мы находим эту идею в том, что английский политолог Роберт Купер называет «добровольным» империализмом» [Cooper 1996, 2002]. Это уже не империализм, проявляющийся через ограничение или через колонизацию, но империализм, проявляющийся через привлекательность. Такой империализм, который также называют «постмодерном», принимает две формы.

1) «Добровольный империализм мировой экономики». Это форма присоединения к обширному гражданскому обществу, планетарное расширение модели рынка, представленной в виде схемы бесконечно расширяющейся деятельности, принцип открытого мира, модель личной свободы, которой все могут подражать.

2) «Вторую форму империализма можно назвать империализмом соседей». Он направлен на устранение нестабильности в государстве путем военного и полицейского присутствия, а также путем медицинского и юридического присут-

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

same: engaging the taste for peace by a possible dynamic of access to prosperity.

Analysis

What to think about this benevolent imperialism? What Pierre Hassner also calls the "gentrification of the barbarian" [Hassner 2003, p. 398]. This liberal pacifism has the virtues and the imperfections of its own limits. It is a *technical* model of peace production and not a cultural or moral model. For an exhausted and wounded people, it could be a reconstructive opportunity. But on the condition that it would value for what it is that is a simple technique of reorganization of the civil society, and not a subjection to a cultural, moral and political order. It is limited to the sphere of the means, which are means to obtain prosperity and well-being. It is a model of management of energies. But it is misleading to identify mass consumption to a sort of cultural truth of liberalism, and this identification represents a weak point of Fukuyama's book on *The end of history*, because it presents the homogenization and the standardization of the mores by the same consumption modes as an accomplishment of peace in the occidental style, what leads to reducing culture to an exclusively instrumental relation to objects, while culture has the vocation of being a practical relation to the others.

On the other hand, the other limit of this pacifism is related to the threat of terrorism: liberal pacifism does not have the power to 'achieve the gentrification' of all barbarians and this pacifism itself can be tempted, as Robert Kagan [Kagan 2003] writes, to choose the path of weapons in order to defend liberalism itself.

b) peace through law

Let us explore now the second classic model of peace in order to examine its new update: the model of peace through law.

Its most famous origin is that of the Peace Projects elaborated by the philosophers of the 18th century, and especially the *Project of Perpetual Peace* of Kant

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

вия, путем создания своего рода добровольного протектората. Ожидания те же самые: прививание вкуса к миру, путем возможной динамики доступа к процветанию.

Анализ

Что следует думать об этом доброжелательном империализме? То, что Пьер Хасснер называет «облагораживанием варвара» [Hassner 2003, p. 398]. Это либеральный пацифизм, который имеет достоинства и недостатки, вытекающие из его собственной ограниченности. Это *техническая*, а не культурная или моральная модель достижения мира. Для утомленных и раненых людей либеральный пацифизм может стать восстановительной возможностью, но при условии, что его будут оценивать таким, какой он есть, то есть как простой способ реорганизации гражданского общества, а не подчинение культурным, нравственным и политическим порядкам. Он ограничен той сферой средств, которые являются средствами для достижения процветания и благополучия. Это модель управления энергиями. Но было бы заблуждением отождествлять массовое потребление со своего рода культурной истиной либерализма. Подобное отождествление представляет собой слабое место книги Фукуямы «Конец истории», поскольку эта книга отождествляет гомогенизацию и стандартизацию нравов с теми же моделями потребления, как и достижение мира в западном стиле, что приводит к сведению культуры к исключительно инструментальному отношению к объектам, в то время как культура призвана быть практическим отношением к другим.

С другой стороны, ограниченность этого пацифизма связана с угрозой терроризма: либеральный пацифизм не имеет власти, чтобы «достичь облагораживания» всех варваров, и он сам по себе может быть подвергнут искушению, как пишет Роберт Каган [Kagan 2003], выбрать тропу оружия, чтобы защитить сам либерализм.

б) мир, достигаемый через закон

Давайте рассмотрим теперь вторую классическую модель мира, для того, чтобы исследовать ее современное состояние: модель достижения мира через закон.

Она ведет свое происхождение от Мирных проектов, разработанных философами XVIII века и особенно от *проекта вечного мира* Канта, который предсказывал создание со-

Justice, from the 'Stanza della Segnatura' by Raphael Sanzio. 1511.

Правосудие. Фрагмент фрески Станца делла Сеньятура. Рафаэль Санти. 1511.

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

that predicts the constitution of a Society of Nations in Europe that would have the vocation to expand progressively to the entire world, until it forms a vast "Alliance for the peace", a sort of United Nations Organization in order to favor arbitration instead of war. Although this model still generates incredulity, it had an effectiveness whose political modernity should not be forgotten: it has imposed the idea that peace, and not war, is the normal state of international relations and that the sovereigns, in the future, will be judged according to their capacity of creating a politics of peace rather than exhausting their people in perpetual wars. The idea of producing peace by law and by cooperation between states identifies peace with a progress of civilization, whose beneficiary is the entire human species.

We might say that, in a certain way, juridical pacifism was achieved in Europe, since Europe, as Cooper underlines it [Cooper 1996, 2002], considers war as a political failure. Yes, but without forgetting, Cooper continues, that outside Europe, the jungle laws are those who are imposed.

Since we argue on a *reconstructive pacifism*, on 'post bellum' pacifism, let us ask the question if there is today an updated and attractive version of this model that could transform the return to peace into a durable and consensual project.

Presentation

There is today a reviviscence of juridical pacifism, (inspired by Kantianism), that consists in the idea of a world public space, that would be able to give to all actors the same right to a public argumentation.

1) According to the German philosopher Habermas, the idea of an international public space corresponds to the globalization of democracy. Nowadays, supranational actors are the ones that form a surveillance space of the states and that make the prerogatives of the sovereignty to lose ground. The media, the intellectuals, the NGOs, the humanitarian organizations, the organizations for human rights protection and religions actors would thus become little by little true citizens of the world, in search for common regulation opposable to states.

2) Intellectuals, jurists, journalists, writers can form a public space that unites them in the same demand for common rules, oriented towards a transnational organization of law. Such pacifism can be qualified as a 'pragmatic' one, in the communicational sense that consists in *exercising an action on others by means of speech*. What should we understand by "transnational"? First of all, to impose to the states the respect for personal freedom, to put the humans rights above states' sovereignty. Therefore, it is about the largest application possible of the equality of all people before the law, by generalizing the path of the arbitration according to norms acceptable by everyone.

"The communicational infrastructure of a democratic

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

общества наций в Европе, которое будет постепенно расширяться по всему миру до тех пор, пока не сформирует огромный «Альянс за мир», своего рода Организацию Объединенных Наций, чтобы способствовать арбитражному решению споров вместо военного. Хотя эта модель по-прежнему порождает недоверие, она эффективна, политическую современность чего не следует забывать: она вводит идею о том, что мир, а не война, был нормальным состоянием международных отношений, и что государей в будущем будут судить по их способности проводить политику мира, а не истреблять своих людей в бесконечных войнах. Идея создания мира посредством закона и сотрудничества между государствами отождествляет мир с прогрессом цивилизации, выгоду от чего получит весь человеческий род.

Можно сказать, что в определенном смысле юридический пацифизм был достигнут в Европе, так как Европа, как подчеркивает Купер [Cooper 1996, 2002], считает войну политическим провалом. Да, но не надо забывать, что Купер продолжает, что за пределами Европы, законы джунглей служат тем, кто их устанавливает.

Так как мы рассуждаем о *реконструктивном пацифизме*, о пацифизме «*post bellum*», давайте зададимся вопросом, существует ли сегодня обновленная и привлекательная версия этой модели, которая могла бы превратить возвращение к миру в прочный и согласованный проект.

Постановка вопроса

Сегодня юридический пацифизм возрождается (вдохновленный кантианством), что выражается в идее мирового общественного пространства, которое могло бы дать всем субъектам одинаковое право на общественную мотивировку.

1) Согласно немецкому философу Хабермасу, идея международного публичного пространства соответствует идее глобализации демократии. В настоящее время наднациональные субъекты это те, кто образует наблюдательное пространство государств, и это вынуждает прерогативы суверенитета терять почву под ногами. Средства массовой информации, интеллектуалы, неправительственные организации, гуманитарные организации, организации по защите прав человека и религиозные акторы могут, таким образом, мало-помалу стать настоящими гражданами мира в поисках общего регулирования в противовес государствам.

2) Интеллектуалы, юристы, журналисты, писатели могут образовывать публичное пространство, которое объединяет их потребностью в общих правилах, ориентированных на транснациональную организацию права. Такой пацифизм может быть квалифицирован как «прагматический», в коммуникационном смысле он состоит в *осуществлении воздействия на других через средства речи*. Что мы называем «транснациональным»? Прежде всего, наложение на государство обязанности уважать личную свободу, ставить права людей выше суверенитета государства. Таким образом, речь идет о наибольшем возможном распространении равенства перед законом на всех людей путем общего применения арбитража в соответствии с нормами, приемлемыми для всех.

«Коммуникационная инфраструктура демократического

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

public space has the function to transform social problems into debate topics and to allow citizens to refer at the same time to identical topics of the same importance, by bringing contributions or by simply adopting an affirmative or negative position in relation to news and opinions" [Habermas 2001].

This model regards the emergence of a world of 'post-national' citizens. Everyone can perceive himself as a 'citizen of the world', provided that he would adopt a so-called 'post-national' posture that no longer refers to a community of language and destiny, but simply to the adoption of the principles of human rights. Citizenship is getting 'cerebralized' and can be identified, on a transnational level, to solidarity between Strangers, 'abstract solidarity based on law'.

3) There is also utopian version of the promotion of future citizens of the world, the version that dreams of a world democracy via the internet and of the creation of a cybiont, a "planetary being of a superior organization level, a being emerging from the action of humans and constructing them in return" [de Rosnay 1995, p. 137]. Apparently, a revolution is taking place: human brains would be just a part of a vast 'thinking network' which comprises the totality of human brains, computers and means for the changing and dissemination of the information. And, thanks to the communication technologies, technique would cease to be domination, in order to become *interaction*. Technique and culture would thus be called to reconcile in the gestation of a new world, designated with the term of 'noosphere' (sphere of the idea or 'mind kingdom'). Two Americans, John Arquilla and David Ronfeldt, have created the idea of a 'Noopolitics', in which the media-related *softpower* would progressively replace the traditional *hardpower* of the states [Arquilla, Ronfeldt 1999].

Analysis

What to make of the attractive or reconstructive value of these two versions of peace through a new world citizenship?

In the second case, the ideal of planetary solidarity given in a technological or economical version makes us think of a generalized conditioning of our species rather than of an appeal to will and energy. Peace would then be the result of a conditioning generalized by a perfect mastering of the technique of communication. The peak of its success is to render public opinion accomplice of its own conditioning, of its own submission. Of course, one cannot deny the fact that peace in future will live from a certain communicational consensus, but that also implies that the regime of citizenship will be divided into active and passive citizens: active citizens are those who have the competence to publicly argue and to have an influence on decisions; passive citizens are the simple on-lookers of the debates on television, the representative atoms of the public opinion.

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

общественного пространства имеет функцию преобразования социальных проблем в дискуссионные темы и предоставления возможности гражданам ссылаться в то же самое время на столь же значимые подобные темы, за счет привнесения своего вклада или просто за счет принятой позитивной или негативной позиции в отношении новостей и мнений» [Habermas 2001].

Эта модель касается возникновения мира «постнациональных» граждан. Каждый может воспринимать себя как «гражданина мира» при условии, что он примет так называемую «постнациональную» установку, которая больше не характеризуется общностью языка и судьбы, а характеризуется принятием принципов прав человека. Гражданство становится «рассудочным» и может быть идентифицировано на транснациональном уровне как солидарность между Чужаками, «абстрактная солидарность, основанная на законе».

3) Существует также утопическая версия стимулирования развития будущих граждан мира, версия, которая включает мечты о достижении мировой демократии через интернет и о создании кибер-биологического бытия, «планетарного бытия высочайшего уровня организации, бытия, возникающего из действия людей и в обмен создающего их самих» [de Rosnay 1995, p. 137]. Очевидно, что происходит революция: человеческий мозг может стать просто частью обширной «сети мышления», которая включает в себя совокупность человеческого мозга, компьютеров и средств изменения и распространения информации. И благодаря коммуникационным технологиям, господство техники будет заменено на *взаимодействие*. Техника и культура могли бы, таким образом, примириться в процессе зарождения нового мира, обозначенного термином «ноосфера» (сфера идеи или «царство разума»). Два американца, Джон Арквила и Дэвид Ронсфельд, создали идею «ноополитики», в которой связанная со средствами массовой информации *мягкая сила (softpower)* постепенно бы заменяла традиционные *твердые силы (hardpower)* государств [Arquilla, Ronfeldt 1999].

Анализ

Что можно сказать о привлекательности или реконструктивной ценности этих двух версий мирного бытия, предположительно достигаемых через новое мировое гражданство?

Во втором случае идеал планетарной солидарности, данный в технологической или экономической версии, заставляет нас скорее думать о совершенствовании нашего биологического вида в целом, чем об обращении к воле и энергии. Мирное бытие могло бы тогда представлять собой результат физического совершенствования, обобщенного совершенным освоением техники коммуникации. Пик его успеха — сделать общественное мнение союзником своего совершенствования, своим собственным питательным ресурсом. Конечно, нельзя отрицать тот факт, что мир в будущем будет жить в определенном коммуникационном консенсусе, но это также означает, что все граждане будут разделены на активных и пассивных: активные граждане — это те, кто обладает компетенцией ведения публичных споров и влияния на решения; пассивные граждане — простые наблюдатели дебатов по телевизору, символические атомы общественного мнения.

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

The first model that of a public space of argumentation is of a real interest in the possibility of overcoming the simple technique of communication through a real ethics of communication. And since it has been proved that we are entering in a society of information and of knowledge, a more and larger part of the intellectual life could consist in a practice of argumentative interactions by which the comprehension of certain common problems could be elaborated in common. It is an internationalist dimension that should be favored in an academic context.

Given this, the model finds its limits in the aggressive manner of imposing the supra-nationality to the states and, for Habermas, clearly against them, and in a very big abstraction of the principles of a post-national citizenship. Because this public space of discussion and of media-related expression does not include the most intimate and profound reasons for living, which are life projects oriented by a final goal. It adopts as a basis the priority of the just over the good, that is the priority of right over ethics. It is a space of cohabitation established exclusively on general, normative principles because they are rational.

c) peace through balance or multilateralism

Multilateralism is a political, strategic and military challenge. It recognizes the equality of the states and it expects from their juxtaposition that it avoids the submission of all the states to a unique and unilateral imperial force.

At this stage of the reflection, it is Europe's self-confidence or Europe's crisis of self-confidence that can determine the future contents of the question, as well as in the answer.

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

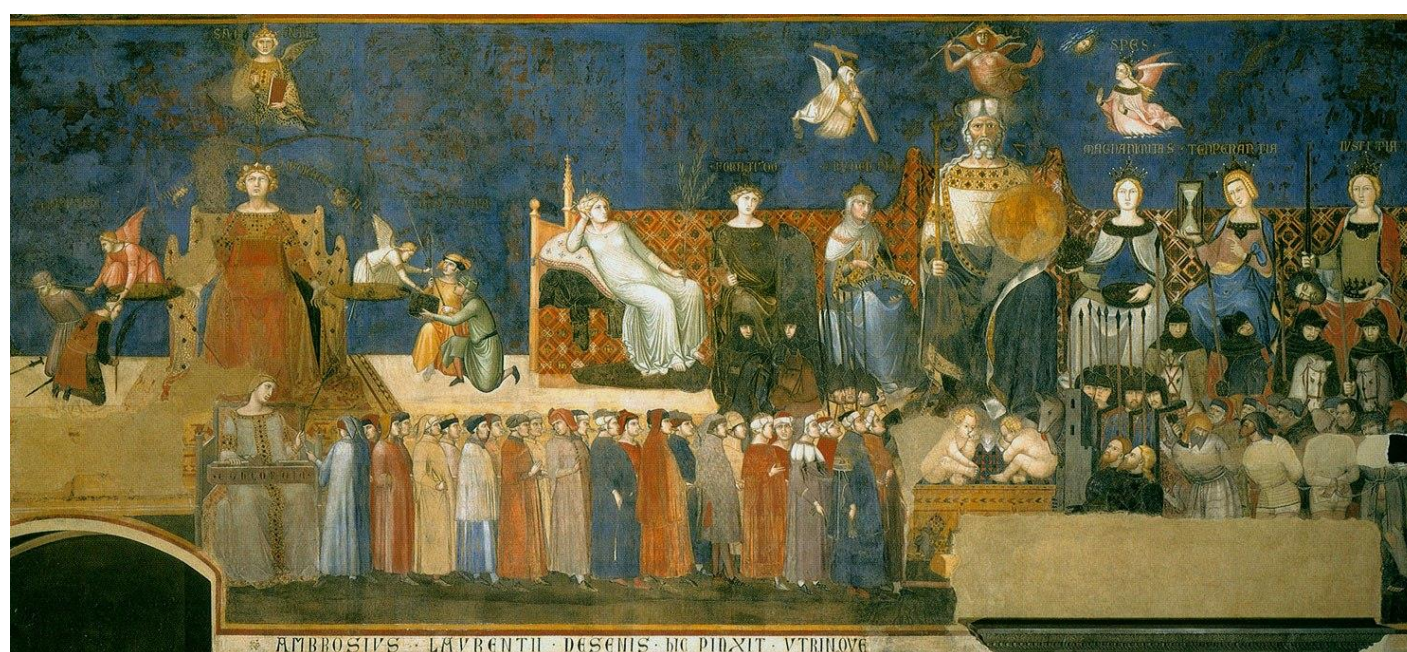
Первая модель, исходя из результатов общественного обсуждения, представляет собой реальный интерес в возможности преодоления простой техники коммуникации через реальную этику общения. И с тех пор как было доказано, что мы вступаем в общество информации и знаний, все более и более обширная часть интеллектуальной жизни может состоять в практике аргументативного взаимодействия, при котором над осмыслением некоторых общих проблем можно было бы работать совместно. Это интернациональное измерение, которому следует отдавать предпочтение в академическом контексте.

Тем не менее, данная модель имеет свои ограничения, состоящие в агрессивной манере наложения наднациональности на государства и, согласно Хабермасу, четко противостоящей им, и в очень большой абстракции принципов постнационального гражданства, так как это общественное пространство дискуссии и относящейся к СМИ выразительности не включает в себя самые интимные и глубокие мотивы жизни, представляющие собой жизненные проекты, ориентированные на конечную цель. Оно принимает в качестве основы приоритет того, что несколько выше добра, — приоритет права над этикой. Это пространство совместного проживания устанавливается исключительно на основе общих нормативных принципов, потому что они разумны.

с) мир, достигаемый через равновесие или многосторонность

Многосторонность представляет собой политические, стратегические и военные задачи. Она признает равенство государств и ожидает от их соседства возможности избежать сведения всех государств к уникальной и односторонней имперской силе.

На данном этапе размышления это — европейская самоуверенность или европейский кризис самоуверенности, что может обусловить будущее содержание вопроса, так же как и ответ.

Allegory of Good Government
by Ambrogio Lorenzetti. 1337—1339.

Аллегория доброго правления.
Амброджо Лоренцетти.
1337—1339.

IV. Identity-related challenge in European context

a) identity challenge

Up until recently, the claims of legitimacy were getting 'politized', nowadays they are getting 'culturalized', by identifying themselves with psychological, affective, identity and civilization-related mental facts. They express feelings of anxiety, resentment, anomie and they are in search of a public recognition, often by appealing to victimary logic.

IV. Проблема идентичности в европейском контексте

а) проблема идентичности

До недавнего времени требования законности были «политизированы», в настоящее время они становятся «культурализированными» через отождествление себя с психологическими, аффективными, идентификационными и цивилизационно обусловленными ментальными феноменами. Они выражают чувства тревоги, обиды, беззакония и находятся в состо-

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

The difficulty of foreseeing future conflicts consists in the flexibility of the terms 'identity' and 'identitary'. An identitary claim is a need for 'recognition', it is a dangerously flexible notion because the need for recognition can be affective and psychological, social and professional, ethical and religious, or can even include all these levels at the same time (but the identitary is distinct from the religious [Laidi 2006, p. 407–408]).

An extension of the risks of crisis takes place from the moment the questions of legitimacy break the ordinary political framework of the legal action, when the use of violence ceases to provide a readable and detectable political goal, upon which it is possible to act since this goal is negotiable. All the difficulty consists in acting upon what's un-negotiable. We are on this side of what is politically negotiable when violence only serves as a means of expression (graffiti, sexual or racial aggressions, destruction of public buildings etc.). We are beyond what is politically negotiable when violence becomes a sacralized means of destruction of a nation from the rise up to the intolerable. (Terrorist actions deliberately exaggerated).

The culturalization of conflicts shifts the battle field in minds, representations and symbols. We acknowledge the fact that we enter, today, in what we could call *a culture of the fear of the other*: fear of the child because he becomes a despot, fear of the student because he de-socializes himself, fear of the people because it is manipulated by media, fear of the neighbor because he manifests its otherness through hostility etc.

Now, this fear of the other generates a specific pacifism that is signaled by a sort of post-heroic moralism (Herfried Münkler) [Münkler 2002] and that is often related to a form of nihilism. He opts for a radical disengagement: he asserts the relativity of all value systems in order to refuse the fact that they can be reasons for dying, but he denies at the same time that they are reasons for living and he gets satisfaction in praising the difference through indifference. Of course, he refuses any apology of war, but he feeds a false culture of the peace, illusorily reduced to a simple lack of interest for the way the world goes.

Such pacifism translates maybe what Fukuyama calls the "decline of European civilization's self-confidence" or "the relativist impasse of modern thought" which realizes that it lacks the "necessary intellectual resources for defending itself".

This type of summary pacifism is encouraged by the media, which depoliticize the questions of war and peace by reducing them to emotional and compassion phenomena¹. Media create the illusion that there is a virtual pacific

¹ "When the media takes over the states of violence, there are no more losses, only victims" [Gros 2006, p. 240].

community that would cultivate same apolitical amorality, by reducing politics to morality and morality to feelings.

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

янии поиска общественного признания, часто обращаясь к логике насилия. Сложность прогнозирования будущих конфликтов состоит в гибкости терминов «идентичность» и «идентифицированность». Требование идентифицированности — это необходимость «узнавания». Это опасно гибкое понятие, так как необходимость в узнавании может быть аффективной и психологической, социальной и профессиональной, этической и религиозной и даже может включать в себя одновременно все эти уровни (но идентифицированность отлична от религиозности [Laidi 2006, p. 407–408]).

Усиление рисков кризиса происходит с того момента, когда вопросы легитимности разрушают обычные политические рамки законного действия, когда применение насилия перестает обеспечивать понятную и определенную политическую цель, в соответствии с которой можно действовать, поскольку эта цель может служить предметом переговоров. Вся трудность состоит в действии относительно того, что не может служить предметом переговоров. Мы находимся по эту сторону того, что политически подлежит переговорам, когда насилие служит лишь средством выражения (граффити, сексуальная или расовая агрессия, разрушение общественных зданий и т.д.). Мы находимся по другую сторону того, что политически подлежит переговорам, когда насилие становится сакрализованным средством уничтожения нации, разрастаясь до нетерпимости. (террористические действия, намеренно преувеличенные).

Культурализация конфликтов изменяет поле боя в умах, представлениях и символах. Мы признаем тот факт, что сегодня наступает этап, который мы могли бы назвать *культурой страха перед другими*: страх перед ребенком, потому что он становится деспотом, страх перед студентом, потому что он ставит себя за рамки общества, страх перед людьми, потому что средства массовой информации ими манипулируют, страх перед соседом, потому что он проявляет свою инаковость через враждебность и т.д.

Этот страх перед другими генерирует определенный пацифизм, который проявляется в разновидности постгероического морализма (Герфред Мюнклер) [Münkler 2002], и это часто связано с формой нигилизма. Он стоит за радикальное размежевание: он утверждает относительность всех ценностных систем в порядке неприятия того обстоятельства, что они могут быть причинами для смерти, но он отрицает в то же время то, что они являются причиной для жизни, и он находит удовлетворение в восхвалении различия через безразличие. Конечно, он отказывается от любых оправданий войны, но вскармливает ложную культуру мира, иллюзорно сведенную к простому отсутствию интереса к тому пути, по которому движется мир.

Такой пацифизм передает, может быть, то, что Фукуяма называет «упадком уверенности в себе европейской цивилизации» или «релятивистским тупиком современной мысли», которая осознает, что ей не хватает «необходимых интеллектуальных ресурсов для собственной защиты».

Этот тип суммарного пацифизма поддерживается средствами массовой информации, которые деполитизируют вопросы войны и мира, сводя их к эмоциональным и сострадательным проявлениям¹. Средства массовой информации создают иллюзию

¹ «Когда средства массовой информации начинают контролировать насилие в государствах, то больше нет проигравших, а есть только жертвы» [Gros 2006, p. 240].

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE***Analysis*

One can reproach a major deficiency to this pacifism of the balance of cultures:

"...for a stable and equilibrated political reality to exist, diversity and equality are not sufficient, something 'in common' also needs to exist, in the form of a shared engagement... The multiple polarity cannot pretend to incorporate a moral ideal unless it is sustained by a normative engagement that is not included in it" [*Canto-Sperber 2005, p. 201*].

An apolitical moralism is not sufficient: it is necessary that peace remains a political reality, in the strong sense of the word, that of a world where several entities accept to live together in a world that could be common to everyone.

An additional reason to reinforce an internationalist vision. Instead of the identitary passion, whose effect treating its own culture as a dead language, the capacity, in each nation, to develop an interactive concept of its own culture — by conceiving it as an ensemble of potential relations with other cultures — could correspond to a true 'plurality', which has nothing to do with an ordinary relativism but which conceives the world, according to a characteristic that is often quoted, not as what is above us or behind us, but 'between' us. There lies maybe the measure of a pacifism that would not be abstractly moralizing, but ethically realistic.

"The world, like every in-between, relates and separates men at the same time. The public realm, as the common world, gathers us together and yet prevents our falling over each other, so to speak" [*Arendt 1983, p. 63*].

Conclusion:**The perspective of a relational politics**

Between the perspective of a world disaster and that of a unilateral world empire, it's not impossible that the European scale would choose to promote a different politics, less imperialist than relational. This still remains a challenge for the future: that states, cultures and religions no longer see themselves as entities closed upon themselves, but as systems of *relations* to other states, cultures and religions. Conceiving a national (or regional) patrimony as the sum of the relations *created* with other nations (or regions), overrunning the simple formal respect of international common laws by the creation of substantial *connections* between communities is still highly utopian, but maybe utopian fecund... It is not impossible that one day Europe would extract a feeling of unity from the sum of connections that compose it. And then, somewhere in the future, the question of the meaning of the military action will be asked again.

"In a world that is tempted to conceive symbolic patrimonies like objects of power, that wills engaged in

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

того, что существует виртуальное миролюбивое сообщество, которое могло бы культивировать такой же аполитичный аморализм за счет сведения политики к морали, а нравственности — к чувствам.

Анализ

Основной недостаток этого пацифизма баланса культур усматривается в том, что

«...чтобы существовала стабильная и уравновешенная политическая реальность, разнообразие и равенство не являются достаточными, должно также существовать что-то «общее» в виде коллективного обязательства... Множественная полярность не может притворяться, что соединяется с моральным идеалом, если он не поддержан нормативным обязательством, не включенным в нее» [*Canto-Sperber 2005, p. 201*].

Аполитичного морализма недостаточно; необходимо, чтобы мирное сосуществование оставалось политической реальностью в строгом смысле этого слова, таким миром, в котором несколько субъектов решают жить вместе в мире, который мог бы стать общим для всех.

Существует дополнительная причина для укрепления интернационалистской позиции. Вместо одержимости идентифицированностью, которая обращается с собственной культурой как с мертвым языком, у каждой нации есть возможности развивать интерактивную концепцию собственной культуры через представление о ней, как о совокупности потенциальных отношений с другими культурами. Это может соответствовать истинному «плюрализму», который не имеет ничего общего с обычным релятивизмом, но который постигает мир в соответствии с характеристикой, что часто цитируют: не как то, что над нами или позади нас, но как то, что «между» нами. В этом заложена, может быть, мера пацифизма, который, возможно, не был бы абстрактно морализаторским, а стал бы этически реалистичным.

«Мир, как каждый посредник, роднит и в то же время разделяет людей. Общественная сфера, как общий мир, собирает нас вместе и все-таки, так сказать, не дает нам упасть друг на друга» [*Arendt 1983, p. 63*].

Заключение:**перспективы реляционной политики**

Выбирая между перспективой мировой катастрофы и унитаральной мировой империи, не исключено, что европейские веса выберут содействие другой политике, менее империалистической, чем реляционная политика. По-прежнему остается проблемой для будущего превращение государства, культуры и религии из закрытых образований в системы *отношений* с другими государствами, культурами и религиями. Размышлять о национальном (или региональном) наследии как о сумме отношений, сложившихся с другими странами (или регионами), выйти за границы простого формального уважения к международным общим законам путем создания существенных *связей* между сообществами, — все это еще очень утопично, но может принести свои утопические плоды. Не исключено, что однажды Европа извлечет из суммы отношений, которые ее составляют, чувство единства. А потом, где-то в будущем, во-

**CASTILLO M. NEW WARS AND NEW FORMS OF VIOLENCE:
CULTURAL AND SOCIETAL STAKES OF THE IDEA OF PEACE**

**КАСТИЛЬО М. НОВЫЕ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ МИРА**

pitiless battles tend to appropriate themselves, a relational approach of cultures, practicable in the intercultural exchanges field, allows to found a new modernity of the relations. Maybe a relation to the idea of peace" [Castillo 2005].

прос о значении военной акции будет поставлен снова.

«В мире, который испытывает искушение создать символические вотчины как объекты власти, чьи волеизъявления вовлечены в безжалостные сражения, реляционный подход к культурам в поле межкультурных обменов позволяет сформировать новый современный характер отношений. Может быть, отношение к идее мира» [Castillo 2005].

**Перевод с английского языка
Н. Вудвард, Ph.D.**

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

1. Arendt H. *Condition de l'homme moderne*. Paris: Calmann Lévy, 1983.
2. Arendt H. *On Revolution*. Harmondsworth: Penguin 1990.
3. Arquilla J., Ronfeldt D. *The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy*. Santa Monica: RAND, 1999.
4. Canto-Sperber M. *Le Bien, la guerre et la terreur*. Paris: Plon, 2005.
5. Castillo M. *Connaître la guerre et penser la paix*. Paris: Kimé, 2005.
6. Cooper R. "The New Liberal Impérialism." *The Guardian* [London]. Guardian News and Media Limited, 7 April 2002. Web. <<http://www.theguardian.com/world/2002/apr/07/1>>.
7. Cooper R. *The Postmodern State*. London: Demos, 1996
8. Cooper R. "Why We Still Need Empires." *The Observer* [London]. Guardian News and Media Limited, 7 April 2002. Web. <<http://observer.guardian.co.uk/worldview/story/0,11581,680117,00.html>>.
9. de Rosnay J. *L'homme symbiotique. Regards sur le troisième millénaire*. Paris: Editions du Seuil, 1995.
10. Francart J.-L. *Maîtriser la violence*. Paris: Economica, 2002.
11. Gros F. *Etats de violence*, Paris, Gallimard, 2006.
12. Habermas J. "Pourquoi l'Union européenne a-t-elle besoin d'un cadre constitutionnel. [La Nation, l'Europe et la démocratie. Conference-debat]." *Cultures en mouvement* 35 (2001): 11 – 18.
13. Hassner P. *La Terreur et l'empire*. Paris: Editions du Seuil, 2003.
14. Kagan R. *La Puissance et la faiblesse. Les Etats-Unis et l'Europe devant le nouvel ordre mondial*. Paris: Plon, 2003.
15. Laïdi Z. *La grande perturbation*. Paris: Champs Flammarion, 2006.
16. Martinez L. *La Guerre civile en Algérie*. Paris: Karthala, 1998ю
17. Münkler H. *Die neuen Kriege*. Reinbeck: Rowohlt Verlag, 2002.
18. Pascal B. *Pensées*. Éd. L. Brunschvicg. Paris: Lattès, 1988.
19. Souaïdia H. *La sale guerre*. Paris: Gallimard, 2001.
20. Toffler A., Toffler H. *Guerre et contre guerre. Survivre à l'aube du XXIème siècle*. Paris: Pluriel, 1994.
21. Valentin M. (Gen.). "Military Effectiveness in the Face of Terrorism." *Le Figaro* [Paris] 23 Jan. 2006.
22. Walzer M. *Guerres justes et injustes*. Paris: Folio Essais, 2006.

Cite MLA 7:

Castillo M. "New Wars and New Forms of Violence: Cultural and Societal Stakes of the Idea of Peace." Trans. N. Woodward. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time]* 8.2 (2015). Web. <2227-9490e-aprov_r_e-ast8-2.2015.41>. (In English and Russian).

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Castillo M. New Wars and New Forms of Violence: Cultural and Societal Stakes of the Idea of Peace [Новые войны и новые формы насилия: культурные и социальные составляющие идеи мира] [Электронный ресурс] / М. Кастильо; пер. с англ. Н. Вудвард // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 8. — Вып. 2. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast8-2.2015.41